МАРКА ФАБІЯ КВИНТИЛІАНА

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ

РИТОРИЧЕСКИХЪ НАСТАВЛЕНІЙ.

Переведены съ Латинскаго

Императорской Россійской Академіи Членомъ

Александромъ Никольскимъ

и оною Академіею изданы.

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1834.

П е ч а т а н о

по опредѣленію Императорской Россійской Академіи
отъ 6-го Маія 1833 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

КНИГА 7-я.

КНИГА 8-я.

КНИГА 9-я.

КНИГА 10-я.

КНИГА 11-я.

КНИГА 12-я.

МАРКА ФАБІЯ КВИНТИЛІАНА

НАСТАВЛЕНІЯ

ВЪ ПОЛЬЗУ УЧАЩИХЪ И УЧАЩИХСЯ КРАСНОРѢЧІЮ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

О пользѣ Расположенія (Dispositio).

О Изобрѣтеніи, кажется, говорено довольно Ибо изложили мы правила, не только какъ приводить въ ясность всякое судное дѣло, но и какъ возбуждать въ слушателяхъ благопріятныя намъ страсти. Когда предпринимаемъ соорудить какое-либо зданіе, не довольствуемся однимъ пріуготовленіемъ камня и другихъ потребныхъ къ сему веществъ: нужно еще, чтобы рука искуснаго зодчаго расположила ихъ и помѣстила все то по приличію. Такъ и въ словѣ нашемъ, сколь бы ни велико было у насъ обиліе мыслей, составитъ только безобразную груду, если по средствомъ расположенія не будутъ онѣ приве-

дены въ надлежащій порядокъ и между собою пристойно связаны.

Итакъ не безъ причины почитается *Расположеніе* второю частію изъ пяти частей рѣчи, поелику первая безъ нея ни къ чему служить не можетъ. Ибо не льзя сдѣлать статуи, когда всѣ вылитые члены ея не будутъ совокуплены между собою, какъ должно. И въ тѣлѣ человѣческомъ и въ тѣлахъ другихъ животныхъ, если одну часть замѣнишь другою, хотя и будутъ находиться всѣ тѣже части, составятъ однако нѣчто чудовищное. И члены тѣлесные, съ мѣстъ своихъ и слегка сдвинутые, становятся неспособны уже къ надлежащему употребленію: и разстроенное войско само себѣ бываетъ препоною въ своихъ дѣйствіяхъ. Мнѣ кажется, справедливо мыслятъ тѣ, кои полагаютъ, что и самый міръ однимъ порядкомъ содержится, и что, по уничтоженіи сего порядка, надлежитъ всему разрушиться. Такъ и рѣчь, не имѣющая сего качества, по необходимости должна быть сбивчива, и какъ судно безъ кормчаго, всюду порѣваема; въ ней будетъ многое повторяться, многое опускаться: Ораторъ уподобится страннику, ночью въ неизвѣстныхъ мѣстахъ блуждающему: не предположивъ себѣ ни начала, ни конца, будетъ руководимъ случаемъ паче, нежели намѣреніемъ, прилѣжно обдуманнымъ.

Почему вся сія книга назначается для Расположенія, въ которомъ потому не многіе имѣютъ успѣхъ, что никакъ не льзя было предписать точныхъ правилъ на всѣ случаи. Но какъ тяжбы до безконечности были и будутъ разнообразны, и въ теченіи толь многихъ вѣковъ не нашлось ни одного суднаго дѣла, которое было бы съ другимъ во всемъ схоже, то Оратору надобно самому умудряться, предусматривать, изобрѣтать, разсуждать и искать въ самомъ себѣ пособій. Однакожъ я не отрицаю, чтобы по предмету сему не льзя было приложить нѣкоторыхъ наставленій; чего и не опущу сдѣлать по возможности.

ГЛАВА I.

О РАСПОЛОЖЕНІИ.

I. Что есть Расположеніе. II. Чтобъ Расположеніе сдѣлать хорошо, надобно знать совершенно всѣ обстоятельства дѣла. III. Всегда ли надлежитъ начинать съ важнѣйшихъ предположеній. IV. Дѣло бываетъ или простое или сложное. Какъ поступать въ томъ и другомъ случаѣ. V. Фабій расказываетъ, какъ онъ самъ поступалъ при разныхъ случаяхъ. VI. Приводитъ для примѣра обыкновенныя школьныя декламаціи. VII. Обстоятельства дѣла и упражненіе лучше, нежели правила, могутъ показать, какимъ образомъ располагать рѣчь.

I. Итакъ надлежитъ, какъ я уже означилъ выше (Том. I, стр. 311.) многіе предметы разобрать каждый порознь, и каждую часть оныхъ излагать въ приличномъ порядкѣ и должной связи предыдущей съ послѣдующею: и такое нужное вещей и частей по своимъ мѣстамъ раз-

предѣленіе называется *Расположеніемъ*. Но не надобно забывать, что самое расположеніе часто съ пользою перемѣняется, смотря по обстоятельствамъ, и та и другая сторона изъ тяжущихся не всегда должна начинать одною и тою же статьею. Кромѣ другихъ примѣровъ, Димосѳенъ и Есхинъ могутъ въ томъ служить образцами: они въ судѣ надъ Ктезифонтомъ послѣдовали превратному порядку: обвинитель начинаетъ изложеніемъ права и законности, какъ частію для него выгоднѣйшею, а защитникъ представилъ прежде всѣ или почти всѣ тѣ доводы, коими хотѣлъ приготовить судей къ разбирательству законовъ. Ибо одному то, а другому другое болѣе способствовало; а иначе, надлежало бы всегда говорить по произволу истца.

II. Я поставлю здѣсь въ примѣръ самаго себя: не скрою, да и никогда не скрывалъ того, что почерпалъ или изъ правилъ или изъ собственнаго опыта. Я обыкновенно старался подробно вникать во всѣ обстоятельства тяжебнаго дѣла.... и, поставивъ оныя нѣкоторымъ образомъ предъ глаза себѣ, помышлялъ не меньше о пособіяхъ противника, какъ и о своихъ собственныхъ.

И во первыхъ (хотя въ семъ нѣтъ дальней трудности, однако прежде всего наблюдать должно) я удостовѣрялся, <u>что</u> именно доказать хо-

тать обѣ тяжущіяся стороны, а потомъ какіе способы употребить къ сему можно было. Я разсуждалъ, какое первое требованіе со стороны истца быть могло. Предложеніе его должно быть или несомнѣнное, или спору подлежащее. Если несомнѣнное, тогда не можетъ быть никакого вопроса. Итакъ я переходилъ къ отвѣту противной стороны, и разбиралъ его такимъ же образомъ. Иногда послѣдствіе сего разбирательства бывало признано за справедливое обѣими сторонами. Когда же въ самомъ началѣ не соглашались онѣ, тогда уже споръ раждался. Напримѣръ: *Ты убилъ человѣка. — Такъ, убилъ.* Соглашается: иду далѣе. Виноватый долженъ сказать, для чего убилъ. *Прелюбодѣя*, отвѣчаетъ онъ, *съ прелюбодѣйцею убить позволяется.* Извѣстно, что законъ сіе позволяетъ. Итакъ надобно искать третьяго предложенія, изъ котораго бы споръ составился. *Они не были прелюбодѣи; были:* вотъ выходитъ вопросъ къ разрѣшенію. Дѣло подъ сомнѣніемъ, и есть только догадочное. А между тѣмъ случается, что и третіе предложеніе бываетъ съ обѣихъ сторонъ признано: *Они прелюбодѣи. Но тебѣ*, говоритъ обвинитель, *непозволено было убивать ихъ: ты былъ изгнанецъ и замѣченъ пятномъ безчестія.* Здѣсь уже дѣло идетъ о правѣ. А если обвиняемый, на показаніе: *ты убилъ*, вдругъ отвѣчаетъ: *нѣтъ*,

не убивалъ; то немедленно раждается преніе. Такимъ-то образомъ надлежитъ разсматривать, съ чего начинается споръ, и что принимать должно за самое первое основаніе дѣла...

III. Что касается до обвинителя, я не во всемъ согласенъ съ Цельсомъ, который, безъ сомнѣнія, слѣдовалъ Цицерону. Онъ непремѣнно хочетъ, чтобы начинать всегда съ доводовъ сильныхъ, а самыми убѣдительными оканчивать, слабѣйшіе же помѣщать въ срединѣ между ими; поелику при началѣ надлежитъ тронуть судью, а при концѣ уже совершенно утвердить въ немъ впечатлѣніе въ нашу пользу. Защитникъ же долженъ по большей части начинать опроверженіемъ важнѣйшихъ показаній противъ виновнаго, дабы судья, предубѣдясь въ началѣ, не охладѣлъ къ послѣдующимъ статьямъ оправданія.

Однако и сей порядокъ можетъ перемѣниться, когда легчайшія обвиненія будутъ явно ложны, а важнѣйшія опровергнуть будетъ труднѣе: тогда, отнявъ прежде у судей довѣріе къ обвинителю, приступаемъ къ послѣднимъ, поелику судіи все прочее почтутъ необходимымъ. Въ такомъ случаѣ потребно предувѣдомленіе, почему не говорили мы доселѣ о взведенномъ преступленіи, и притомъ обѣщаніе, что отвѣчать на оное не преминемъ на своемъ мѣстѣ, дабы не по-

казать, что, отлагая то, страшились сильныхъ возраженій.

Обыкновенно начинаемъ оправдывать обвиняемаго опроверженіемъ прежнихъ его какихъ-либо предосудительныхъ дѣяній, дабы расположить судью къ благосклоннѣйшему выслушанію того, о чемъ приговоръ произнести онъ долженъ. Но и сіе самое Цицеронъ, защищая Варена, отнесъ на послѣднее мѣсто, не потому, чтобы такъ дѣлать всегда надлежало, но что такое расположеніе казалось ему приличнѣе.

IV. Когда доносъ или обвиненіе состоитъ въ одномъ предложеніи, то надобно смотрѣть, однѣмъ ли предложеніемъ отвѣтствовать на то, или многими: ежели споръ будетъ объ одной статьѣ, то вопросъ отнесется ли только къ самому дѣлу, или къ праву естественному, или къ закону писанному: ежели къ дѣлу, то отрицать ли оное или оправдывать должно: ежели къ праву и законамъ, въ такомъ случаѣ споръ выходитъ или о точныхъ словахъ закона, или о намѣреніи закона. И мы сіе легко узнаемъ, когда извѣстно намъ будетъ, на какомъ законѣ основывается тяжба, то есть, рѣшеніе суда.... Можно также отвѣчать и многими предложеніями, какъ сдѣлалъ Цицеронъ, защищая Рабирія: *Ежели онъ убилъ его, то убилъ справедливо; но онъ не убилъ.*

Когда противъ одного предложенія возражаемъ многими, то во первыхъ надобно подумать обо всемъ томъ, о чемъ говорить можно: потомъ расположить, что на какомъ мѣстѣ сказать приличнѣе. Но здѣсь я не могу держаться того же мнѣнія, какое выше сего изъявилъ въ разсужденіи статей обвиненія, и еще въ разсужденіи доводовъ, сказавъ, что можно иногда начинать съ сильнѣйшихъ. Ибо сила вопросовъ должна возрастать постепенно, и къ сильнѣйшимъ восходить отъ слабѣйшихъ, хотя бы они были одного или различнаго рода....

V. Я часто дѣлывалъ и такъ, что или отъ послѣдняго вида (ибо въ немъ почти всегда содержится предметъ тяжбы) восходилъ къ первому общему вопросу, или отъ рода нисходилъ къ послѣднему виду, и наблюдалъ сіе даже въ рѣчахъ совѣтовательныхъ. Напримѣръ, разсуждаетъ Нума, *принять ли царскую власть, Римлянами ему предлагаемую.* Вотъ родъ. *Царствовать ли ему надъ народомъ чуждымъ, въ Римѣ, и потерпятъ ли Римляне такого царя надъ собою:* вотъ виды!...

Я также обыкновенно замѣчалъ, въ какихъ статьяхъ соглашался со мною соперникъ, и какія изъ нихъ клонились къ моей выгодѣ. Тогда не только опирался я на его признаніе, но старался усугублять оное посредствомъ раздробленія

его на многія части, какъ напримѣръ въ слѣдующемъ случаѣ: Полководецъ, соперникъ собственнаго отца своего, въ исканіи того же достоинства, былъ предпочтенъ ему, и въ послѣдствіи взятъ въ плѣнъ. Послы, отправленные для его выкупа, встрѣчаютъ отца, возвращающагося отъ непріятелей. Онъ говоритъ посламъ: *Вы уже поздо идете.* Они остановляютъ отца, обыскиваютъ и находятъ у него много золота; между тѣмъ продолжаютъ путь свой, находятъ полководца, ко кресту пригвожденнаго и вопіющаго къ нимъ: *Берегитесь измѣнника.* Отца обвиняютъ въ предательствѣ (*). Ты, говорятъ ему, самъ признался, что ходилъ къ непріятелямъ, и ходилъ тайно, что возвратился отъ нихъ ни чѣмъ невредимъ, да еще и съ золотомъ, которое скрывалъ ты у себя за пазухой. Ибо признаніе, въ которомъ заключается столько дѣяній, бываетъ иногда сильнѣе въ одномъ предложеніи: и когда уже судья предубѣжденъ будетъ, то едва обращается вниманіе на защищеніе обвиняемаго. Для обвинителя выгоднѣе совокупность показаній, а для защитника раздѣленіе оныхъ.

Я иногда въ разсужденіи всего содержанія моей рѣчи поступалъ такъ, что изложивъ все,

(*) Въ чемъ здѣсь согласуются? Что есть измѣна, и сія измѣна подтверждена Полководцемъ. Только надобно обличить измѣнника.

что̀ могъ бы сказать мой противникъ въ свою пользу, и потомъ опровергнувъ, оставлялъ только то, что̀ хотѣлъ сдѣлать вѣроятнымъ. Напримѣръ, ежели бы какой ни есть судья былъ обвиняемъ въ неправосудіи, я сказалъ бы: *Подсудимый бываетъ оправданъ или своею невинностію, или заступленіемъ сильнаго лица, или подкупомъ судей, или насиліемъ, или неимѣніемъ доказательствъ, или по злонамѣренію. Ты признаешься, что онъ виновенъ: ты не жалуешься, что какая-либо власть или какое насиліе дѣйствовало надъ приговоромъ судей, что они были подкуплены, что было недостатокъ въ доказательствахъ: что же тутъ остается, если не одно злонамѣреніе? Ежели не льзя опровергнуть всего, то по крайней мѣрѣ я опровергнулъ многое. Убитъ человѣкъ; не въ пустомъ и уединенномъ мѣстѣ, и не можно въ убійствѣ подозрѣвать разбойниковъ: не съ намѣреніемъ получить добычу, ибо онъ не ограбленъ: не въ надеждѣ наслѣдства, ибо онъ не былъ бѣденъ. Итакъ причиною убійства есть вражда. Кто же врагъ?*

Сей способъ служитъ великою помощію и въ Раздѣленіи и въ Изобрѣтеніи. Разбирать все сказанное, и сдѣлавъ всему какъ бы нѣкое опровержение, держаться лучшихъ доказательствъ, также выгодно. Милонъ обвиняется, что убилъ Клодія: онъ его или убилъ, или не убилъ. Лучше

было бы отрицать дѣйствіе: но если не льзя, итакъ онъ его убилъ или законно, или несправедливо. Ежели законно, то или волею, или по нуждѣ: ибо здѣсь не можно предполагать невѣдѣнія! Воля есть дѣло сомнительное. Но какъ люди думаютъ, что тутъ участвовала воля, то надобно прибавить разсужденіе въ доказательство, что она движима была ревностію къ общественному благу. По нуждѣ: слѣдовательно то былъ нечаянный случай, непредумышленное намѣреніе: итакъ кто нибудь одинъ изъ нихъ былъ нападчикъ. Кто же изъ двухъ? Безсомнѣнія, Клодій. Теперь видите, что самое послѣдствіе и порядокъ событія показываетъ дорогу къ защищенію обвиняемаго. Поступимъ далѣе: Милонъ, защищаясь отъ Клодія, или хотѣлъ убить его, или не хотѣлъ. Безопаснѣе было бы, когда бы не хотѣлъ. Итакъ сдѣлали то рабы Милона (Pro Mil. 19.) безъ его приказанія, и даже безъ его вѣдома. Но сіе несмѣлое защищеніе отнимаетъ силу у того увѣренія, что Клодій убитъ справедливо. И для того Цицеронъ прибавляетъ: рабы Милоновы сдѣлали здѣсь то, чего бы каждый изъ насъ хотѣлъ отъ своихъ собственныхъ рабовъ въ подобномъ случаѣ. Сіе тѣмъ полезнѣе, что, часто бываемъ недовольны своими мыслями, а между тѣмъ надобно что нибудь сказать. Итакъ надлежитъ прилѣжно

вникать во всѣ обстоятельства дѣла: тогда откроется или что ни есть лучшаго, или по крайней мѣрѣ что ни есть меньше худшаго для продолженія нашей рѣчи....

VI. Но какъ найдемъ скрытнѣйшіе и не столь обыкновенные вопросы? То есть такъ, какъ находимъ мысли, выраженія, фигуры, украшенія: острotою ума, стараніемъ, упражненіемъ. Ничто почти не укроется отъ Оратора, который, какъ я сказалъ, захочетъ руководствоваться природою; одинъ неблагоразсудный не найдется въ такомъ случаѣ. Но многіе, домогаясь прослыть краснорѣчивыми, довольствуются только мѣстами благовидными, или нимало не служащими къ доказательству. Другіе, безъ всякаго разбору, привязываются къ тѣмъ мыслямъ, какія только имъ на умъ попадутся. Для лучшаго уразумѣнія, приведу я въ примѣръ одинъ предметъ школьной тяжбы; предметъ не новый и не слишкомъ затруднительный.

Кто отца, обвиняемаго въ измѣнѣ, не защищаетъ, да будетъ лишенъ наслѣдства. Обличенный въ измѣнѣ долженъ быть изгнанъ и съ своимъ защитникомъ. Обвиняемаго въ измѣнѣ отца защищаетъ въ судѣ одинъ сынъ, какъ Ораторъ, другой, не имѣющій сего дара, не подавалъ отцу никакой помощи: осужденный отецъ отправляется въ ссылку вмѣстѣ съ своимъ защитни-

комъ. Сынъ, житель сельскій, оказавъ на войнѣ знатныя заслуги въ пользу отечества, въ награду себѣ требуетъ, возвращенія отца и брата. Отецъ, возвратившійся изъ ссылки, умираетъ, не сдѣлавъ завѣщанія: не имѣвшій дара ораторскаго, требуетъ части имѣнія, но Ораторъ все себѣ присвояетъ.

Здѣсь мнимые Витіи, коимъ мы, вникающіе съ большею осмотрительностію въ тяжбы, толь рѣдко случающіяся, кажемся смѣшными, берутся защищать то, что имъ кажется легче. Дѣло идетъ о защищеніи сельскаго жителя противъ Оратора, человѣка храбраго противъ невоеннаго, возстановителя отцовской и братней чести противъ неблагодарнаго, того, кто частію доволенъ, противъ того, который брату ничего изъ отцовскаго имѣнія удѣлить не хочетъ. Правда, всѣ сіи размышленія родятся непосредственно изъ самаго предмета, и имѣютъ много силы, однако не доставляютъ еще намъ побѣды. Ораторы сіи будутъ искать, если можно, мыслей смѣлыхъ или темныхъ. Ибо нынѣ краснорѣчивымъ защищеніемъ дѣла почитается, когда Ораторъ шумитъ и кричитъ.

А тѣ, кои хотя лучше за то принимаются, но, смотря на одну поверхность дѣла, хватаются за предметы, кои только въ глаза имъ бросаются. Они будутъ извинять сельскаго жителя

который не присутствовалъ при судѣ, тѣмъ, что онъ былъ бы тамъ отцу безполезенъ: да и Ораторъ не можетъ хвалиться, что оказалъ отцу великую помощь, поелику и самъ онъ былъ осужденъ. Скажутъ, что заслуживаетъ наслѣдство возстановитель семейства, а не корыстолюбецъ, неотцепочтительный и неблагодарный, который не хотѣлъ подѣлиться съ братомъ, оказавшимъ ему толь великую услугу. Они даже почувствуютъ, что первый вопросъ долженъ основываться на законѣ и на волѣ завѣщателя, которая, поелику не опровергнута, то и всѣ прочіе доводы неумѣстны.

Но кто слѣдуетъ природѣ, тотчасъ представитъ себѣ, что̀ долженъ говорить братъ, лишаемый наслѣдства, и вопервыхъ: Отецъ нашъ, не сдѣлавъ завѣщанія, скончался; оставилъ насъ двоихъ; и я по праву народному требую своей части. Кто былъ бы такъ простъ, такъ неискусенъ въ словѣ, чтобъ иначе началъ рѣчь свою, хотя бы не зналъ, что̀ такое есть предложеніе? Потомъ слегка похвалитъ сей общій для всѣхъ законъ, какъ самый справедливый. За симъ размыслимъ, какой бы отвѣтъ могъ быть на толь законное требованіе: угадать не трудно, что вопреки скажутъ: Есть особенный законъ, повелѣвающій лишать наслѣдства такого сына, который не защищалъ предъ судомъ отца, обви-

неннаго въ измѣнѣ: а ты не защищалъ. Послѣ сего предложенія естественно слѣдуетъ похвала приведенному закону, и укоризна сыну, оставившему отца безъ помощи.

Доселѣ мы занимались обстоятельствами несомнительными: обратимся теперь къ отцу. Ежели онъ не совсѣмъ лишенъ разсудка, то не ужели не подумаетъ: Если приведенный законъ служитъ препятствіемъ, то нѣтъ и тяжбы и судиться не о чемъ: но нѣтъ сомнѣнія, что и законъ существуетъ, и истецъ преступилъ его. Чтожъ мы скажемъ? Я сельскій житель. Но сей законъ есть общій для всѣхъ: слѣдовательно отговорка безполезна. Итакъ поищемъ, не льзя ли съ которой нибудь стороны законъ ослабить. Что иное (я часто говорить о семъ буду) внушаетъ намъ природа, какъ не то, чтобы, когда слова закона противъ насъ, вникать въ намѣренія законодателя? Итакъ общій вопросъ выходитъ, на чемъ основаться, на словахъ или на намѣреніи. Но споры о законахъ могутъ быть неистощимы. Почему поищемъ и здѣсь, нѣтъ ли чего съ закономъ несогласнаго. Кто не защищалъ отца въ судѣ, тотъ лишается наслѣдства? Всякъ безъ исключенія? Тогда сами собою представятся слѣдующіе случаи: Сынъ младенецъ, сынъ больный, или въ отсутствіи находившійся, или на войнѣ или въ посольствѣ бывшій, не

защищалъ отца обвиняемаго. Сіи возраженія уже довольно сильны: иный можетъ и не защищать лично отца, а быть его наслѣдникомъ.

Теперь, по примѣру театральныхъ музыкантовъ нашихъ, какъ говоритъ Цицеронъ, пусть защитникъ сельскаго жителя перейдетъ къ защищенію Оратора. Онъ скажетъ: Согласенъ съ тобою; да, ты не младенецъ, ты не былъ боленъ, не былъ въ отсутствіи, ни на войнѣ, ни въ посольствѣ. На сіе въ отвѣтъ не иное будетъ сказано, какъ слѣдующее: Но я сельскій житель. Тутъ возразятъ ему, и возразятъ справедливо: Если ты защищать отца не могъ словомъ, по крайней мѣрѣ могъ быть при судѣ. Тогда сельскому жителю надлежитъ обратиться къ намѣренію законодателя. Законъ хотѣлъ наказать только непочтительность къ родителямъ, а я не непочтителенъ. Противъ чего скажетъ ему Ораторъ: Ты поступилъ непочтительно, когда подвергся лишенію наслѣдства; хотя послѣ или раскаяніе или честолюбіе довело тебя до избранія другаго рода жизни. Кромѣ того, по твоей винѣ осужденъ отецъ; ибо казалось, что ты самъ подтвердилъ сей приговоръ. На сіе житель сельскій скажетъ: Нѣтъ, ты паче въ томъ виновенъ: ты раздражилъ многихъ, ты навлекъ вражду на весь домъ нашъ. Сіе возраженіе есть только догадочное: такъ какъ и то, если бы

онъ подъ благовиднымъ предлогомъ, сказалъ, что отсутствіе его было съ воли отца, не хотѣвшаго подвергнуть всего сѣмейства опасности. Вотъ что содержится въ первомъ вопросѣ о законѣ и намѣреніи законодателя.

Простремъ размышленія наши далѣе, и посмотримъ, не льзя ли найти еще и другихъ выводовъ. Я тщательно подражаю человѣку, чего нибудь ищущему, дабы научить искать, и оставивъ красоту слога, имѣю цѣлію одну только пользу учащихся.

Доселѣ всѣ вопросы выводили мы изъ обстоятельствъ, къ истцу относящихся: для чего не обратиться намъ и къ отцу? Въ законѣ сказано: кто не присутствуетъ при судѣ, надъ отцемъ производимомъ, лишается права ему наслѣдовать. Для чего и здѣсь не разсмотрѣть, на всѣхъ ли отцевъ законъ сей относится? При такихъ случаяхъ, когда родители требуютъ наказанія своимъ дѣтямъ за то, что ихъ не кормятъ, мы часто разбираемъ, имѣетъ ли родитель право требовать сей помощи отъ сына, противъ коего въ судѣ свидѣтельствовалъ въ непочтительности, или отъ сына, умышленно имъ до разврата допущеннаго? Чего же можно опасаться въ разсужденіи отца, о коемъ здѣсь идетъ рѣчь? Онъ осужденъ. Не уже ли законъ будетъ только для отцевъ, кои оправданы? Во

просъ сей сперва покажется нѣсколько жестокъ. Однако не надобно отчаяваться: законодатель, вѣроятно, хотѣлъ того, чтобъ невинные родители не лишались помощи отъ дѣтей своихъ. Но сельскому жителю стыдно было бы сіе сказать потому, что онъ признаетъ отца своего невиннымъ. Пусть же онъ приведетъ другой доводъ: Осужденный за измѣну да будетъ посланъ въ ссылку и съ своимъ защитникомъ (*). Едва ли можетъ статься, чтобы законъ хотѣлъ наложить тоже наказаніе на сына, когда онъ былъ при судѣ и когда не былъ (**). Кромѣ того, ни одинъ законъ не относится до изгнанниковъ. Итакъ невѣроятно, чтобы законъ простирался на того изъ сыновей, который не защищалъ обвиненнаго отца. Ибо сельскій житель въ обоихъ случаяхъ наводитъ сомнѣніе, могъ ли бы онъ, будучи изгнанникомъ, сохранить свое имѣніе. Сынъ ораторъ съ своей стороны будетъ утверждаться на словахъ закона, въ которыхъ нѣтъ никакого изъятія, и утверждать, что для сего самаго и положено наказаніе тѣмъ, кои не защищаютъ невинныхъ, дабы, страшась ссылки, они

(*) Ссылочный лишался имѣнія. Итакъ оба сіи сыновья лишились бы наслѣдства, хотя бы одинъ поступилъ по силѣ закона, а другой вопреки оному.

(**) Изгнанникъ лишался права гражданства; слѣдовательно не было для него и законовъ.

вовсе не пренебрегли священный долгъ сей, и не престанетъ говорить, что сельскій житель не подалъ помощи невинному отцу своему.

Надобно замѣтить и то, что изъ одного положенія могутъ выйти два общіе вопроса: *Всякой ли сынъ обязанъ защищать отца? И всякой ли отецъ въ правѣ ожидать того отъ своего сына?* Доселѣ мы брали свои разсужденія отъ двухъ лицъ; отъ третьяго же, то есть, отъ противника не можетъ никакой вопросъ родиться: ибо часть наслѣдства у него не оспоривается.

Но здѣсь еще не конецъ дѣла; ибо все сіе могло бы сказано быть, хотя бы отецъ и не былъ возвращенъ изъ ссылки. Однако не должно вдругъ хвататься за первую представившуюся мысль, что отцу возвращены права его по заслугамъ сына, сельскаго жителя. Кто разберетъ сіе подробнѣе, тотъ увидитъ нѣчто еще далѣе. Ибо какъ видъ слѣдуетъ за родомъ, такъ родъ предшествуетъ виду. Итакъ положимъ, что отцу возвращены права кѣмъ нибудь другимъ. Тогда родится вопросъ въ видѣ силлогизма: Сіе возстановленіе не уничтожаетъ ли приговора, и не тоже ли есть, что какъ бы и суда надъ виновнымъ не было? Здѣсь сельскій житель можетъ сказать, что онъ, заслуживъ одну только награду, не могъ испросить возвращенія отцу и своему брату вмѣстѣ, ежели бы отецъ при

возвращеніи не былъ почитаемъ, какъ будто бы и подъ судомъ не находился. Симъ отмѣняется наказаніе и защитнику, какъ бы не принимавшему на себя должности адвоката. Тогда доходимъ до встрѣчавшейся сперва мысли, что одинъ сельскій житель возвратилъ изъ ссылки своего отца. Здѣсь мы опять разсуждаемъ, сына сего должно ли почитать за адвоката, поелику онъ сдѣлалъ то, чего адвокатъ требовалъ: непротивно справедливости принять за подобное то, что въ самомъ дѣлѣ болѣе, нежели подобно. Все прочее основывается уже на правотѣ, и разсматривается, которой стороны справедливѣе требованіе. Но и здѣсь опять слѣдуетъ раздѣленіе, хотя бы тотъ и другой требовалъ всего наслѣдства и хотя бы одинъ довольствовался положенною частію, а другой желалъ все имѣть, устранивъ своего брата.

Наконецъ память отца есть не малой важности предъ судьями, особливо когда дѣло идетъ о раздѣлѣ его имущества. Инакъ родится догадочное сужденіе, съ какимъ намѣреніемъ не сдѣлалъ онъ заблаговременно духовнаго завѣщанія. Но сіе будетъ относиться къ качеству лицъ, которое составляетъ новое обстоятельство. По большей части при концѣ рѣчи своей долженъ Ораторъ опираться на правоту; судьи всего охотнѣе сему внимаютъ. Однако онъ та-

кого порядка и отступать заставляетъ польза: когда, напримѣръ, не столько надѣемся на законъ, то пріуготовимъ судью рѣшить дѣло по правотѣ. Вотъ правила, какія вообще преподать могу....

VII. Впрочемъ, многое зависитъ отъ самаго предмета рѣчи: дальнѣйшія наставленія отъ него только заимствовать можно. Ибо недовольно того, чтобы всю рѣчь раздѣлить на вопросы и мѣста: но сіи самыя части имѣютъ опять свой порядокъ. Ибо и въ Приступѣ, есть нѣчто первое, есть и второе, и такъ далѣе. Всякой вопросъ, всякое мѣсто имѣетъ свое особенное расположеніе, такъ какъ и всѣ простыя предложенія.... Есть нѣчто и такое, чего показать на письмѣ не можно, развѣ когда самый предметъ будетъ извѣстенъ и опредѣленъ. Но къ чему послужитъ одна или двѣ части? Къ чему послужатъ даже сотни и тысячи въ дѣлѣ безпредѣльномъ?

Долгъ учителя есть вседневно показывать, какой порядокъ и какую связь вещей наблюдать надобно, то въ одномъ, то въ другомъ родѣ: дабы ученикъ по немногу снискалъ къ сему навыкъ, и научился переходить къ подобнымъ разбирательствамъ. Не льзя преподать правилъ на всѣ случаи, гдѣ искуство можетъ явить свою силу. Ибо какой живописецъ изучился, всякую

въ природѣ вещь изображать во всей ея подробности? Но, единожды научась подражать, онъ будетъ изображать подобно все, за что ни примется. Какой художникъ не сдѣлаетъ сосуда, какого видѣть ему никогда не случалось? Итакъ есть вещи, которымъ мы сами собою научаемся безъ наставника. Ибо и врачь научитъ, что дѣлать должно при каждомъ родѣ болѣзни, и что заключать изъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ признаковъ. Но познавать силу біенія жилъ, дѣйствіе жара, состояніе дыханія, перемѣну въ лицѣ цвѣта, каковыя обстоятельства во всякомъ больномъ бываютъ различны, все сіе зависитъ отъ природной остроты ума.

Почему надлежитъ многое отъ самихъ себя заимствовать, разсматривать прилѣжно предпріятое нами судное дѣло, и помышлять, что искусство риторское изобрѣтено прежде, нежели появились правила. Ибо самое лучшее расположеніе есть и называется по справедливости хозяйственнымъ расположеніемъ всего тяжебнаго дѣла, когда мы оное имѣемъ, какъ бы предъ глазами. Тогда только можемъ судить, гдѣ нуженъ приступъ и гдѣ излишенъ: гдѣ потребно изложеніе непрерывное, гдѣ раздѣленное на части: гдѣ начинать сначала вещей, гдѣ, по примѣру Омира, съ середины или конца: и гдѣ обходиться безъ всякаго изложенія: когда начинать отъ

нашихъ предложеній, когда отъ предложеній соперника: когда отъ сильнѣйшихъ доводовъ, когда отъ слабѣйшихъ: какіе вопросы предлагать безъ предваренія, какіе съ приготовленіемъ: для убѣжденія судьи, все ли предлагать вдругъ, или постепенно вести его къ своей цѣли: на каждое ли возраженіе, или уже на всѣ вообще дѣлать опровержение: возбуждать страсти стараться ли въ продолженіи цѣлой рѣчи, или оставить сіе для заключенія оной: о законѣ ли говорить прежде, или о правотѣ: выгоднѣе ли выставлять или очищать прежнія преступленія, или тѣ, по которымъ судъ производится. Ежели дѣло будетъ многосложно, то какой наблюдать порядокъ, какими ограждаться свидѣтельствами, на какіе опираться акты, и какіе оставлять до удобнаго времени и мѣста въ рѣчи. Какъ искусный Полководецъ, располагая войско свое противъ непріятеля, назначаетъ приличные отряды и для защищенія открытыхъ мѣстъ, и для охраненія городовъ, и для содержанія сообщенія, и для пресѣченія пути непріятелю, и наконецъ распредѣляетъ ополченіе свое на водахъ и на сушѣ по востребованію надобности.

Но исполнить сіе можетъ только тотъ Ораторъ, которому вспомоществуютъ природное дарованіе, ученіе, прилѣжаніе. Итакъ никто да не ожидаетъ сдѣлаться Витіею одними чу-

жими трудами. Надобно самому бодрствовать, употреблять непрерывныя усилія, и, такъ сказать, потѣть надъ сочиненіемъ. Всякъ долженъ укрѣпляться собственными силами, и въ себѣ самомъ искать пособій: не вездѣ прибѣгать къ правиламъ, но имѣть ихъ на все въ готовности: и чтобы все то казалось даромъ врожденнымъ, а не наукою снисканнымъ. Ибо наука, ежели есть какая, можетъ скоро показать дорогу: но она уже довольно дѣлаетъ, когда открываетъ намъ богатство Краснорѣчія: отъ насъ самихъ зависитъ умѣть воспользоваться онымъ.

Кромѣ общаго расположенія въ рѣчи, наблюдается таковое же и въ частяхъ ея: и въ нихъ есть первый, второй и третій смыслъ или разумъ, которые не только въ порядкѣ помѣщаемы, но и такъ соединены между собою быть должны, чтобы связи ихъ и примѣтить было не льзя: чтобъ они составляли тѣло, а не члены. Сего достигнемъ, если рачительно наблюдать будемъ, чтобы всякая мысль была на своемъ мѣстѣ, и чтобы слова употреблены были не противорѣчащія другъ другу, но одно другое подтверждающія. Такимъ образомъ вещи различныя, изъ различныхъ мѣстъ взятыя, не будутъ разногласить, какъ одна другой чуждыя; но взаимнымъ союзомъ свяжутся съ предъидущими и по-

слѣдующими; и рѣчь покажется не только хорошо составленною изъ частей, но даже непрерывною. Но я, обманувшись тѣсною связію предметовъ, простерся, можетъ быть, уже далѣе, и отъ Расположенія перешелъ къ правиламъ Словоыраженія, которыя показаны будутъ въ слѣдующей книгѣ.

ПОПРАВКИ КО 2-й ЧАСТИ.

Стран.	строк.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
1.	16.	расноложила	расположила
—	19.	по	по-
30.	25.	под	под-
34.	23.	затѣмняютъ	затемняютъ
53.	20.	нохвалы	похвалы
95.	4.	согласись	согласились
125.	6.	бынь	бышь
134.	3.	*παῤῥησια.*	*παῤῥησία*
144.	7.	совсѣм	совсѣмъ
161.	23.	чно	чшо
162.	21.	*ισόκωλον*	*ἰσόκωλον*
189.	5.	Бахій	Бакхій
193.	1.	некогда	нѣкогда
—	2.	принебрегши	пренебрегши
195.	2.	нечего	нѣчего
197.	18.	асли	если
220.	26.	ему	ему,
242.	25.	свомъ	своемъ
250.	6.	пристращатьси	пристращаться
312.	12.	кто,	кто будетъ порицать,
331.	16.	нерадение	нерадѣние
333.	20.	Сардинецъ презираетъ	Сардинцевъ презираетъ,
338.	5.	зависила	зависѣла
340.	26.	намекаетъ,	намѣкаетъ
—	28.	и	или
341.	3.	разпространилъ	распространилъ
343.	26.	съ	въ
347.	17.	Урсисъ	Урсусъ
351.	12.	нерадение	нерадѣние

Стран.	строк.		
352.	16.	силы прибавляется,	силы,
389.	9.	произноситъ	произносятъ
422.	2.	открываетоя	открывается
428.	10.	человѣками.	человѣками?
432.	7.	затменія	затмѣнія
—	11.	Орашора	Оратора
—	21.	Ификою	Иѳикою
447.	18.	не боишся	не боится
455.	19.	о своемъ	о его
458.	16.	безвомѣздія	безъ возмездія
465.	1.	Какъ	Какъ врачъ
476.	6.	стои́тъ	сто́нитъ
488.	7.	V	Y
490.	20.	къ словамъ	съ словами